

Перевод Михаила Кузмина

Текст издания: П. Мериме. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1963. Том 2 стр. 486 - 497.

21 мая 18... года мы возвращались в Тлемсен. Экспедиция была удачной. Мы вели с собой быков, баранов, верблюдов, пленников и заложников.

После тридцатисемидневной кампании или, вернее, непрерывной охоты наши лошади похудели, бока у них впали, но спины не были стерты седлами, и глаза были живые и полные огня. Люди в нашем отряде загорели, волосы у них отросли, португали засалились, мундиры потерлись, но их вид говорил о равнодушии к опасностям и лишениям, свойственном настоящим солдатам. Какой генерал для лихой атаки не предпочел бы наших егерей самым щегольским эскадронам, одетым с иголки?

С самого утра я уже мечтал о тех маленьких удовольствиях, которые меня ожидали.

Как хорошо высплюсь я на своей железной кровати после тридцати семи ночей, проведенных на грубой подстилке! За обедом я буду сидеть на стуле, у меня будет в досталь свежего хлеба и соли! Я задавал себе вопрос: какой цветок будет сегодня в волосах мадемуазель Кончи -- граната или жасмина и сдержала ли она клятвы, данные мне при отъезде? Но я чувствовал, что большой запас нежности, который привозишь с собой из пустыни, будет принадлежать ей, -- все равно, верна она или непостоянна. Не было ни одного человека в эскадроне, который не строил бы каких-нибудь планов на вечер.

Полковник встретил нас как родной отец и даже выразил нам свое одобрение. Затем отвел в сторону нашего командира и минут пять что-то говорил ему вполголоса, должно быть, не особенно приятное, судя по выражению их лиц.

Мы наблюдали за движением усов: у полковника они поднимались до бровей, а у нашего командира они раскрутились и уныло свисали на грудь. Молодой егерь уверял, будто лицо у нашего командира заметно вытянулось. Я делал вид, что не слушал его, но вскоре наши лица тоже вытянулись, когда командир, подойдя к нам, сказал:

-- Накормить лошадей и приготовиться к выступлению с заходом солнца. Господа офицеры обедают у господина полковника в пять часов в походной форме и после кофе садятся на коней... Вы, может быть, недовольны, господа?..

Мы, конечно, не признались в этом и молча отдали честь, в душе посылая его и полковника ко всем чертям.

Времени для несложных наших приготовлений оставалось немного. Я поспешил переодеться и, окончив туалет, не решился даже сесть в кресло, чтобы не заснуть.

В пять часов я входил в квартиру полковника. Он жил в большом мавританском доме. Во внутреннем дворе я застал множество народа -- французы и туземцы толпились вокруг кучки паломников или скоморохов, пришедших с юга.

Руководил представлением старик, безобразный, как обезьяна, полуголый, закутанный в дырявый бурнус; шоколадного цвета тело его было сплошь татуировано, борода седая и всклокоченная, волосы на голове такие курчавые и такие густые, что издали можно было подумать, будто он носит папаху.

В толпе говорили, что это великий святой и великий колдун.

Оркестр, помещавшийся возле него, состоял из двух флейт и трех барабанов -- они производили адский шум, вполне достойный предстоящего зрелища. Старик объявил, что он получил от одного весьма чтимого марабута полную власть над демонами и дикими зверями, и после краткого приветствия полковнику и почтеннейшей публике приступил под звуки музыки к чему-то вроде молитвы или заклинания, между тем как актеры по его приказанию стали прыгать, плясать и вертеться на одной ноге, изо всех сил ударяя себя кулаками в грудь.

Тем временем барабаны и флейты все ускоряли темп.

Когда от усталости и головокружения люди эти потеряли последний остаток разума, главный колдун вынул из корзины, стоявших около него, скорпионов и змей и, показав, что они живые, бросил их своим актерам, а те кинулись на них, как собаки на кость, и стали раздирать их, простите, прямо зубами.